

**Орлов Игорь Борисович, д.и.н.,
проф. кафедры политического поведения Национального
исследовательского университета – Высшая школа экономики**

**Историческое знание на современном этапе: проблемы
междисциплинарного синтеза¹**

Аннотация

В статье д.и.н., профессора НИУ - ВШЭ И.Б.Орлова «Историческое знание в неисторических дисциплинах» внимание было обращено на современный сдвиг в системе социальных и гуманитарных наук, связанный с рядом тенденций в развитии знания о человеке и обществе. Прежде всего, речь идет об осознании того, что для понимания сверхсложности системы «человек» (в его биологическом, социальном и культурном измерениях) необходимы междисциплинарный подход и методология сопряжения социогуманитарного знания в единый комплекс «наук о человеке».

С формированием в XX в. антропоцентристской ориентации познавательной деятельности вопрос феномена человека стал центральным. Многочисленные, сменяющие друг друга «повороты» (лингвистический, прагматический, постмодернистский и пр.) последней трети XX ст., актуализировали проблему междисциплинарного синтеза.

Также было отмечено, что проблемы трансформации исторической науки тесно связаны с общим ходом развития научного знания вообще и гуманитаристики, в частности. Именно на стыках различных дисциплин рождались разные школы (в территориальном и проблемном плане) «новой истории», одним из ведущих эпистемологических принципов которой стал акцент на «тотальность» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр исторической реконструкции «рядового» человека и манифестирующей мультикультурность мира.

Автор сделал вывод, что в обновленной исторической науке будут присутствовать элементы антропологии и семиотики, феноменологии и герменевтики, социологии, психологии и других «наук о человеке», как, впрочем, и методики естественных и точных наук.

Обращение к анализу исторического процесса гуманитарных, социальных и даже естественных наук во многом объясняется современным сдвигом в системе социальных и гуманитарных наук, связанным с рядом тенденций в развитии знания о человеке и обществе:

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Историческое знание на современном этапе: проблемы междисциплинарного синтеза // Духовность. 2013. № 1. С. 32-42.*

во-первых, с поисками нового методологического «образца» для других дисциплин. После долгого периода доминирования теологии эпоха Возрождения выдвинула на первые позиции механику, а промышленный переворот XIX ст. определил лидерство физики. С середины XX в. на роль лидера в объяснении мира и человека стали претендовать сначала химия, а затем биология, чья роль проявилась в открытии функциональной асимметрии человеческого мозга и расшифровке структуры генетического кода. Именно на базе биологии сложилась теория систем, оказавшая глубочайшее влияние на другие науки, включая философию. И, наконец, в конце XX ст. активизировались споры о ведущей роли социальных и гуманитарных наук в развитии человеческого знания и практики. Претензии на лидерство подкреплялись рядом открытий, связанных с применением к анализу социальной реальности теорий систем и информации, кибернетики и синергетики;²

во-вторых, с признанием, что для понимания сверхсложности системы «человек» (в его биологическом, социальном и культурном измерениях) необходимы междисциплинарный подход и формирование единого комплекса «наук о человеке». Если до середины XX ст. междисциплинарный подход для историков был, скорее, редкостью, то во второй половине столетия он стал массовым явлением. Произошла и трансформация междисциплинарного поля. Первоначальное обращение историков, главным образом, к географии, социологии, психологии и экономике, с 1960-1980-х гг. сменилось интересом к антропологии, демографии и лингвистике;³

² См.: Каган М.С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. СПб., 18 мая 2001 г. Серия «Symposium». Выпуск № 12. СПб., 2001. С. 9-11.

³ Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 170.

в-третьих, с формированием антропоцентристской ориентации познавательной деятельности, поставившей феномен человека в центр различных отраслей знания;

в-четвертых, с попытками определения места и роли национальных социально-гуманитарных наук в мировом и, прежде всего, западном научном пространстве;⁴

в-пятых, с многочисленными, сменяющими друг друга «поворотами» (антропологическим, лингвистическим, прагматическим, иконическим, медиальным, перформативным и пр.) последней трети XX ст.;

в-шестых, с постмодернистским вызовом, а затем с отходом со второй половины 1990-х гг. от наиболее радикальных лингвистических и культуралистских позиций;

в-седьмых, с резким расширением в среде историков интереса к истории культуры, исторической антропологии и социально-экономическим и политическим проблемам современности.

При этом постепенно сложилось убеждение, что гуманитарные и социальные дисциплины не способны по отдельности понять прошлое, а могут сделать это только в виде совместного «проекта». В силу того, что социум является сложной самоорганизующейся системой, его исследование со всей неизбежностью требует «сетевое» принципа организации научного пространства. Другими словами, проблемы трансформации исторической науки тесно связаны с общим ходом развития научного знания вообще и гуманитаристики, в частности.

Именно на стыках различных дисциплин рождались разные направления (в территориальном и проблемном плане) «новой истории», одним из ведущих эпистемологических принципов которой стал акцент на «тотальность» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр исторической реконструкции «рядового» человека

⁴ Савельева И. Присутствие и отсутствие // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Отв. ред. Е. Аксер, И.М. Савельева. М., 2010. С. 7,18.

и манифестирующий мультикультурность мира. Именно в рамках «новой истории» отстаивается необходимость междисциплинарности в рамках наук о человеке, но при определяющей роли собственно исторического знания.

Следует указать, что в междисциплинарных исследованиях концепт человека представлен в трех аспектах, первый из которых определяется принадлежностью человека к социальным, политическим, правовым, религиозным и прочим институтам, где контекстом человеческого существования выступает «социальность». Второй аспект представлен обусловленными интеллектом и ценностями формами (языковой, информационной, образовательной, психосоматической и др.) включения человека в социальность, а третий «презентует» человека посредством текстов.⁵

Однако на пути интеграции человековедческих и обществоведческих наук существует немало препятствий. Прежде всего, инкорпорация новых теорий в гуманитарных науках сталкивается с проблемой культурной и дисциплинарной дистанции. Нередко это вызывает не только некритические заимствования модных теорий, но и, что более существенно, методологический эклектизм и использование исследовательских техник без учета соответствующего концептуального аппарата.⁶ Кроме того, поворот филологов, антропологов и историков к тематике социальных противоречий, иерархий и неравенств в культуре пока недостаточно поддерживается тенденциями по «культуризации» социальной теории.⁷ Не преодолено до конца увлечение постмодернистскими теориями с их установками о вымышленности истины и тексте, как единственной реальности. Впрочем, здесь наблюдается и другая опасность – игнорирование выводов постмодернистов о невозможности рассматривать действительность независимо от языка. Другое дело, что роль языка заключается не в нем

⁵ Подробнее по этому вопросу см.: Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования / Отв. ред. М.С. Киселева. М.: ИФ РАН, 2007.

⁶ Савельева И. Указ. соч. С. 13,16.

⁷ МАГия науки // Государственный университет – Высшая школа экономики URL: <http://www.hse.ru/news/recent/24588110.html>

самом, а в его роли посредника между текстом и реальностью и неотъемлемого элемента памяти о прошлом. Через язык осуществляется передача социального опыта, культурных норм и традиций, преемственность поколений и эпох.⁸

И еще одно немаловажное обстоятельство. Мы наблюдаем процесс гуманитаризации естественного знания: например, проникновение в физику идей герменевтики или формирование биоэтики - науки о нравственной стороне жизнедеятельности, призванной перекинуть мостик между точными и гуманитарными науками. И это притом, что многие естественники склонны отказывать гуманитаристике в праве быть идентифицированной в качестве науки. Со своей стороны, историческое сообщество (как, впрочем, и другие профессиональные группы) настороженно относится к проникновению на свое научное пространство представителей других отраслей знания, особенно естественных и точных наук. Внедрение в сферу исторического и в целом гуманитарного знания инструментария точных наук вызывает у ряда ученых опасения, что ценой обретения гуманитарными науками прикладного характера станет потеря ими гуманитарности.

Сегодня прилагательное «новое» применяется почти ко всем направлениям исторического, антропологического и иного социогуманитарного знания. Оно превратилось в визитную карточку и атрибут брэнда исследовательского направления. Все это заставляет критически взглянуть на т.н. «новые истории» и другие отрасли гуманитарного знания, претендующие на «новизну». Ведь термин «новая история» еще в конце XIX – начале XX вв. активно использовали немецкий историк Карл Лампрехт и французский философ и социолог Анри Берр. Временем «реинкарнации» «новой истории» (сначала в США, а затем во Франции, где ряд историков третьего поколения школы «Анналов» вернули в

⁸ Соколов А.К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век: Монография. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 338.

дисциплинарное пространство это понятие) стали 1960-1970-е гг.⁹ По мнению испанского историка Игнасио Олабарри, помимо школы «Анналов», определение «новый» применимо к неомарксистской историографии, сформированной под сильным влиянием прагматизма американской «социальной научной истории», группе историков, сложившейся вокруг британского журнала «Past and Present», и немецкой *Gesellschaftsgeschichte* («билефельдской школе»).¹⁰

Развитие современного знания демонстрирует две противоположные, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, возрастает специализация различных научных дисциплин и стремление к ликвидации внутридисциплинарной деривации. С другой стороны, очевидна противоположная нацеленность на интеграцию с иными дисциплинами, отказ от своей дисциплинарной «чистоты» и стремление к новому научному синтезу. Наблюдающийся эпистемологический взрыв способствует выработке открытой для широкого использования (прежде всего, социогуманитарными дисциплинами) междисциплинарной «теории знания о Человеке» как некой «надметодологии», дающей возможность выходить за узкодисциплинарные рамки и применять ее в полидисциплинарных исследовательских полях. Тем самым в рамках новой историографической культуры формируется новый тип рефлексивной истории. Кроме того, полидисциплинарность не только дает значительное расширение эпистемологических границ теории, но и возможность концептуализации характеристик исторического познания, полученного с помощью дискурса других социогуманитарных дисциплин.

⁹ Под «новой историей» Жак Ле Гофф, Пьер Нора, Роже Шартье и Жак Ревель понимали все, что не является связанным с научной традицией XIX в. (см.: *La nouvelle histoire* / Ed. J. Le Goff, J. Revel and R. Chartier. Paris: Retz, 1978).

¹⁰ Олабарри И. «Новая» новая история: структура большой длительности // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Харьков: Константа, 2004 [Электронный ресурс] URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/olabarry.htm>

В частности, существенное внимание на формирование новой парадигмы исторического знания начинает оказывать пост-постмодернистская философия истории с ее отрицанием метафоры мира как текста, сдвигом фокуса анализа от созерцания окружающего мира и человека к исследованию причин и форм его «восстания» против существующей реальности и призывом к мульти- и трансдисциплинарности в исторических и философско-исторических исследованиях. В противовес постмодернистским понятиям «текст» и «язык», базовым постулатом «новой рационалистической теории и философии истории» выступает историческая информация.¹¹

Задача «возвращения» человека в историю была сформулирована еще во второй половине 1980-х гг., а уже в 1990-е гг. сложилось некое историографическое поле, объединившее ряд новых в методологическом отношении направлений, включая историю ментальностей, историческую антропологию, микроисторию, историю повседневности и новую культурную историю. Общим для этих и других научных дисциплин стал перенос акцентов на исследование микромира, анализ повседневного бытия и обнаружение «инаковости» прошлого.

Именно «собрание» человека в его целостности обусловило одну из ведущих тенденций современной историографии - трансформацию истории как науки о политических и экономических системах в науку о человеке в его историческом времени. При этом антропологический поворот стал составной частью общего процесса междисциплинарного синтеза, охватившего, как уже указывалось, не только гуманитарные, но и точные науки.

Необходимо учитывать, что генезис и совершенствование научных подходов обусловлены, в первую очередь, целью исследований. По степени полноты познания окружающего мира, все подходы можно свести к четырем основным видам: дисциплинарный, междисциплинарный

¹¹ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма: Пер. с англ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 21,25.

(интердисциплинарный), мультидисциплинарный (полидисциплинарный) и трансдисциплинарный. Так, **дисциплинарный подход** нарезал окружающий мир на отдельные предметные области. Когда же решение проблемы выходило за рамки возможностей отдельной дисциплины, считалось, что оно находилось «на стыке научных дисциплин». Впрочем, стремление сохранить дисциплинарную чистоту нередко превращало «стык дисциплин» в непреодолимую преграду между отраслями знания. Маркерами дисциплинарности являются не только «имя» дисциплины, ее проблемное поле и методологический арсенал, но и место в «дисциплинарном семействе» наук, состояние научного сообщества и самоидентификация исследователей. Но при этом, в цикле развития дисциплин выделяются «пики агрессии», характеризующиеся активным воздействием на иные области знания. Выход из замкнутости дисциплин был найден сначала в расширении области применения дисциплинарной методологии, а это, в свою очередь, привело к появлению меж- /интердисциплинарных и мульти- / полидисциплинарных зон.¹²

Понятие **«междисциплинарность»** получило развитие в связи с возникновением быстро развивающихся пограничных дисциплин и одновременной дифференциацией областей науки, опирающихся на методы разных традиционных дисциплин. «Визитной карточкой» междисциплинарного подхода является перенос методов исследования из одной научной дисциплины в другую при сходстве предметных областей, в результате чего появляется «междисциплинарная дисциплина», чаще всего, бинарная, например, социальная антропология. При этом для сохранения границ отдельных дисциплин всегда присутствуют «ведущая» и «ведомая» дисциплины, когда полученные результаты интерпретируются с позиции дисциплинарного подхода «ведущей» дисциплины. То есть интердисциплинарный подход предназначен, прежде всего, для преодоления

¹² Попова Т.Н. Историография в поисках своего обновления // Харьківський історіографічний збірник. Вип. 9. Х.: Вид-во НУА, 2008. С. 44,51.

концептуальных и методологических трудностей решения дисциплинарных проблем.¹³

Полидисциплинарность, в свою очередь, сфокусирована не на унификации результатов и сведении их к единому дискурсу, а на поисках методологического синтеза и анализе разнообразных комментариев социальных объектов, на сравнении специфических для каждой дисциплины языков и толкований. Другими словами, речь идет об изучении конкретного гуманитарного феномена средствами различных наук. При мультидисциплинарном подходе переноса методов исследования из одной дисциплины в другую, как правило, не происходит. Подход основан на реконструкции обобщенной картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве частей. К примеру, человек рассматривается как сложный объект, отличающийся от других объектов рядом особенностей - анатомических, психологических, психических, физиологических и т.п. А для изучения этих особенностей применяются соответствующие дисциплинарные подходы и методы. При этом сопоставление результатов дисциплинарных исследований позволяет обнаружить новые сходства исследуемых предметных областей, что, в свою очередь, приводит к появлению новых мультидисциплинарных дисциплин, например, таких как **историческая экология**. Можно сделать вывод, что полидисциплинарный подход оправдывает себя в ситуации, когда для решения дисциплинарной проблемы требуется учесть множество факторов, являющихся предметом исследования других дисциплин. Впрочем, интерпретация полученных результатов при этом подходе также производится с позиции «ведущей» дисциплины, что не способствует выявлению общих закономерностей и механизмов их взаимодействия внутри предмета исследования.

¹³ Анисимова А.Э. «Новый историзм»: Науковедческий анализ. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 118.

Показательно в отношении возможностей методологического синтеза такое направление как **историческая урбанистика**, соединительным концептом которой выступает «урбанизированный переход» как единый процесса, имеющий свою логику и закономерности. В своем стремлении обеспечить «стереоскопический» взгляд на объект исследования, историография направления сориентирована не столько на работы историков, сколько представителей других научных дисциплин – географов, экономистов, архитекторов, градостроителей, демографов, социологов и философов. Но при этом наработки смежных дисциплин выступают «сырьем» для истории.¹⁴

Боле широкий научный ракурс призвана дать **трансдисциплинарность**, заключающаяся в рассмотрении того или иного явления, не ограничиваясь рамками какой-либо одной научной дисциплины или междисциплинарными отношениями. При этом объект исследования размещается внутри глобальной исследовательской системы, без строгих границ между дисциплинами. В методологии трансдисциплинарного исследования всякая область, имеющая естественные физические и/или логические границы (например, человек и идея), рассматривается как «упорядоченная среда», к исследованию которой можно применить одинаковые принципы, подходы и модели. При этом смысл трансдисциплинарных базовых понятий может иметь не прямую, а ассоциативную связь с соответствующими понятиями, несколько иначе трактующимися в других научных дисциплинах.¹⁵ В частности, российский и американский психолог и математик В.А. Лефевр предложил трансдисциплинарную теорию «исчисляемой психофеноменологии»,

¹⁴ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М: Наука, 2003. С. 4,7,9,16,22-24,32,35.

¹⁵ См.: Transdisciplinarity: reCreating Integrated Knowledge / Ed. by Margaret A Somerville & David J Rapport. Oxford: EOLSS Publishers Co. Ltd., 2000; Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009; Мокий В.С. Основы трансдисциплинарности. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2009.

основанную на простых уравнениях для предсказания «крупномасштабных» последствий индивидуальных действий. Среди параметров уравнений – «образ себя» человека и действия самого человека, учитывающего «поведение» собственного «образа себя». То есть включение человека в систему универсума, связь онтологического и феноменологического планов его существования автор представил в виде оригинальной алгебраической конструкции.¹⁶ Еще один наглядный пример трансдисциплинарного подхода, которому способствует преодоление разрыва научно-технического и гуманитарного дискурса, – когнитивная история. Но в целом современное социогуманитарное знание находится только в начале пути обретения «единства в многообразии».

На пути преодоления кризиса истории (социогуманитарного знания и «наук о человеке» в целом), выход, как правило, видится в методологическом или творческом синтезе, расширении предметного поля (например, изучении сферы бессознательного, иррационального) или помещении «человека исторического» в различные контексты и, прежде всего, социокультурные.

Реально динамику развития науки определяет «выработка новых методов и подходов к изучению прошлого, имеющих универсальное значение вне зависимости от непосредственного объекта исследования, а также появление новых идей, оказывающих влияние на общие представления о прошлом человечества».¹⁷ Сегодня речь должна идти о разработке эффективных методов системной интерпретации личности на стыке различных отраслей знания.

Можно только предположить, что в обновленной исторической науке будут присутствовать элементы антропологии и семиотики, феноменологии и герменевтики, социологии, психологии и других «наук о человеке», как, впрочем, и методов естественных и точных наук. Здесь главное, чтобы

¹⁶ См.: Лефевр В.А. Формула человека: контуры фундаментальной психологии: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.

¹⁷ См.: Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Отв. ред. Е. Аксер, И.М. Савельева. М., 2010. С. 139.

междисциплинарная деятельность по восстановлению единого понимания человечества не обернулась противоречивой по определению «междисциплинарной историей».¹⁸ Ближайшая задача состоит не в открытии новых сфер исследования, а в приведении в порядок и переосмыслении достигнутого компендиума знаний о «человеке историческом». На этом пути не обойтись без глобального объяснения прошлого, которое придает смысл настоящему и прокладывает путь в будущее человечества. Перефразируя мысль австрийского зоопсихолога и этолога Конрада Лоренца, хочется призвать гуманитариев и представителей социальных наук создать **новое «равновесие между поддержанием традиции и разрывом с прошлым».**

¹⁸ Interdisciplinary History // Journal of Interdisciplinary History. 1970. № 1. P. 3-5; Ritter H. Dictionary of Concepts in History. New York, 1986. P. 238.